

Длинная басня про гению

Как-то раз, генетически полностью определенный гений тоскливо смотрела на толпу, озабоченно плывущую куда-то вдоль по улице, хорошо просматривающейся с высоты балкона современного коттеджа ее гениальных родителей.

Родителей, так уже повелось, почти всегда не было дома, они все время работали. Мать — в академии естественных супер-искусств, отец — на окологемной нано-биологической станции художественного творчества. Нельзя было даже и подумать, чтобы обратиться к ним за советом. Они бы очень удивились столь примитивным размышлениям своего гениального чада. Она знала, им некогда опускаться до таких глупых мыслей.

Но проблема имела место, совершенно ясно — что-то идет не так. Нет, с генами было все нормально. Они точно, по хорошо установленным законам генетики достались ей в целостности и сохранности от её гениальных родителей. Здесь подвоха быть не могло. Акушер-био-модератор, специалист по наследованию гениальности, все неоднократно проверил тогда и систематически перепроверял на протяжении всей ее жизни.

Гены у нее точно те, что надо. Настоящие, гениальные. Как в этом можно сомневаться, даже корень у этих двух слов один и тот же! Пол выбран был тоже правильный, женский, что по самой своей сути наследует все самое лучшее, самое правильное, самое-самое.

Непонятным было другое. Почему ее гениальность столько уж лет оставалась совершенно не замеченной и совершенно не востребованной? Неужели никому, этим снующим по своим делам людям не нужен гений? Гений же может и то и другое. Он столько может! Он освещает путь. Все что сделает гений, или скажет, или изобразит — будет гениально. По определению самих генов гениальности, все это будет гениально само, без каких-либо затрат и усилий!

Ведь гений — это же не просто такое вот уникальное отклонение от нормы, от обыденности и тривиальности в хорошую сторону — выдающийся и бесценный «хвост гауссовского распределения» способностей. Нет, гений — это человек, который видит то, что другие не могут увидеть самостоятельно, без него. Приходит гений, и все встает на свои места, воцаряется гармония, всем вокруг становится радостно: мы тоже поняли — восклицают все! Гений вполне может быть и тружеником, или даже просто лентяем — это неважно. От труда гениальность не проявится, в лучшем случае — добротная работа. Надо просто ждать озарения, и гениальность даст о себе знать сама!

Простым же, обычным людям внизу все это не ведомо — рассуждала наша гения. Они могут быть и добрыми, и счастливыми, и прекрасными, но вот не дана им гениальность (не те у них гены). Жизнь их идет по-другому, и они часто даже гордятся, эти прохожие санитарки, официанты, менеджеры по продаже и многие другие — они счастливы, что их не мучает гениальность. Все у них понятно, стабильно, полностью определено, но скучно, очень скучно. И уж если у них нет светлого пятна этой гениальности, то почему же им не нужна, почему они совсем не замечают её гениальность, хотя бы для того, чтобы украсить или разнообразить их собственные жизни?

Неужели надо обязательно что-то делать — думает гения. Как сделать себя заметной, как вызвать ощущение ее гениальности, как осчастливить своим присутствием этих простых людей, так тоскливо плывущих в потоке своих уныло-ежедневных забот? Как сделать их жизнь веселей, полноценней, счастливей? Как?

Задача осознана и поставлена — гениальное сознание мгновенно сработало и вынуло из гениального подсознания уместное воспоминание детства. Воспоминание о том, что рассказывала ей мать — специалист по массовому воздействию ультрасовременного искусства. Она говорила, что легче всего добиться признания, ярко воздействуя на подсознание, на богатую биосферу отношений человеческих особей. Для этого есть масса

специально подобранных высоко искусственных приемов и образов в арсенале психиатров. Хорошо же, решает наша гения — я создам супер-совершенное искусство! Оно будет воздействовать сильно, ярко, доходчиво и одновременно на многих. Тогда успех обеспечен!

Никто не знает сегодня, как это она сделала, но возникло нечто совершенно совершенное! То ли прошли долгие годы ее трудов и исканий, то ли все это мгновенно само вдруг возникло в подсознании ее гениального мозга — никто не знает. Важно другое: наконец-то «оно» стало потенциально доступно интеллектуальной сфере всего человечества!

Но! ... Но, признания, такого желанного, общечеловеческого признания ее гениальности все не было и не было!

Шли годы, я — думала старея, гения — создала уникальные произведения искусства, совершенно новые, совершенно новаторские, таких никто никогда до меня не создавал! Постигла совершенство самого совершенства! Это на века, пройдут годы, столетия, и люди не смогут жить без них — недоумевала гения. Эти же, снующие сегодня внизу, человеческие существа, просто не в состоянии постичь, оценить и понять сегодня ее гениальность. Старые люди говорили, что так было в древние века, когда все новое воспринималось в штыки. Наверное, надо этих людей подготовить, воспитать, обучить, чтобы они наконец поняли, прозрели и приняли плоды моей гениальности. Так думала она — гений по божественному построению.

А тем временем, в той самой безликой толпе, брел себе, подремывая, немолодой старец по имени Архи-мёд. Его в последнее время забавляло одно досадное недоразумение. Молодая, веселая служанка по дому — ох, уж эти молодые дарования — так увлекалась пением во время заполнения его послеобеденной ванны водой, что всегда наливала ее до самых краев.

И у бедного Архи-мёда такое недоразумение вызывало очевидное неудобство в виде постоянно мокрых сандалий после купания. С этим надо было что-то делать! Но Архи-мёд был уже немолод и давно позабыл, как это раньше наливали ванну так, что сандалии после нее оставались сухими? Он был глубоко погружен в созерцание и осмысление этой проблемы. Настолько глубоко, что не заметил, как наступил вечер и он опять оказался в этой до краев неудобной ванне.

Но на этот раз он не выдержал, разгневался, и закричал в ярости: «Эврика» — так звали его молодую служанку. Она, к удивлению, оказалась еще дома и, прибежав на зов, собрала всю вылившуюся воду тряпкой (ну, прямо как сегодня любят это еще делать наши прославленные уборщицы) в бочку, пустовавшую по непонятной нужде рядом с ванной. Бочка эта довольно быстро наполнилось тоже до краев. Архи-мёд был не малого телосложения.

«Эврика — еще раз прокричал Архи-мёд — тщательнее собирай эту мерзкую воду, досуха! Уже осень, и мне надоело ходить после ванны с мокрыми ногами». Эврика исполнила. Архи-мёд, глядя на полную бочку с вытесненной им из ванны водой, почувствовал то самое великое облегчение, которое теперь все знают как закон Архи-мёда!

Очевидно, без гениального прозрения в виде аккуратной, работающей и такой замечательной Эврики, никакого бы великого открытия не состоялось.

Узнав про этот выдающийся случай, наша гения призадумалась. Вот ведь как, оказывается, можно прославиться, вот как становятся гениями! Ничего же не делая, просто повезло, что воды было слишком много. Однако, природная рефлексия вела себя странно, что-то ее смущало и беспокоило. Решила гения, что надо поговорить с Архи-мёдом — безусловно настоящим и всеми признанным гением. Телепартически, конечно. Опыта надо было набираться.

Что же поведал ей Архи-мёд из далекого прошлого? Она узнала от классика, что очень долго того мучила эта проблема. Горячая, и холодная и чуть теплая, и большая, и маленькая, и деревянная, и чугунная ванны были в деле, аквариум и бассейн, террариум с

крокодилами, и многое еще чего другого пришлось испробовать в этой работе по поиску решения для сухих сандалий. Ничего не помогало. Они были всегда почему-то мокрые.

Пришлось Архи-мёду включить подсознание. Из глубины веков он гениально предвидел, что подсознание будет играть еще свою вспомогательную роль в нахождении гениального решения вполне сознательно поставленной задачи. Он верил, что сначала разработка фундамента этого решения идет на сознательном уровне, затем подключается подсознание. Подсознание гения все время трудилось.

Впрочем, это ему мало помогало. До поры до времени ничего кроме тупика не виделось в конце тоннеля, пока не возник тот самый «шизоидный загиб» на пороге холодной осени в виде красавицы Эврики с мокрой тряпкой! Никак ему не хотелось ходить в сырых сандалиях по надвигающемуся, как всегда неожиданно, первому снегу.

А в результате, какая практическая польза всему человечеству возникла из-за этих мокрых сандалий гения! «По-видимому, в определении гениальности не стоит сбрасывать со счета аспект практической пользы», — это были последние обрывки мыслей Архи-мёда, что удалось ей услышать из далекого прошлого. Грянула сильная гроза и канал связи потерял, как у нас часто бывает с ТВ, свои телепартические свойства.

Да, похоже возникает стойкое убеждение в том, что для проявления гениального озарения нужно много работать, — подумала про себя гения. Неужели это и есть то самое необходимое условие, без которого гениальное озарение просто не может возникнуть. Разве не может быть гениальности просто так, на пустом месте, без всякой работы, труда этого? Нет, это не правильно, это противоречит всем законам гениальности, которые так себя прекрасно проявили в сфере настоящего искусства! Неужели у гениев в естественных науках все совсем по-другому? Не может быть! Из постоянного труда может выйти только добротная работа. Много полезных обществу продуктов этой работы, но причем здесь гениальность? Такое «приземление» гениальности делает ее практически неотличимой от обыденности, и виноват здесь этот самый пресловутый труд! «Двор мести — тоже труд». Ерунда! Не может быть!

У гениев все получается не просто заметно лучше, чем у других, у обычных людей негениев. Гении делают это на совершенно ином качественно уровне, а вот перейти на этот новый, высший уровень им позволяет вовсе не труд, а талант, гениальность, заложенные божественным провидением, а если говорить современным языком — генетика, с которой-то у меня все нормально — так рассуждала гения! Не было бы этих задатков, генетических закладок, сколько ни трудись, хоть всю жизнь, хоть до 7-го пота, никогда «Апассионату» не написать! Это же очевидно! Это же искусство, оно — гениально.

Но Архи-мёд убеждал меня — вспоминала гения — что он все про себя знал, все контролировал, все ощущал и предвидел. Его голова постоянно работала, осознанно или бессознательно, но работала она все время без усталости. А как это она делала? Ему казалось, что его мозг постоянно получал, анализировал, преобразовывал новую информацию, сравнивал результаты такого преобразования с действительностью и убеждался или разочаровывался в их адекватности, строил модели и проверял их на практике ... по степени влажности его сандалий.

Он говорил, что его посещают потенциально гениальные мысли, о которых в юности он даже не мог мечтать. Более того, он не мог даже предположить, что когда-нибудь с ним такое может случиться. Тогда откуда же эта способность к нему пришла? Что, в молодости гены его были менее гениальными?

Архи-мёд еще говорил, что если много работать, то всякий может стать гением (т.е. сможет делать что-то важное и полезное). Потенциально каждый, но на самом деле далеко не каждый. Может, еще не значит обязательно должен. В том смысле, что это необходимое, но не достаточное условие. В этом фокус. Однако, без труда гением стать нельзя, даже «Черный квадрат» нарисовать — это тоже труд! Да, но сначала надо его придумать! Поэтому Архи-мёдов труд двуликий. Сначала в виде необходимого условия, предвестника, замысла

гениального открытия, потом в виде вполне конкретного труда, затраченного на реализацию этого открытия. К сожалению, без последнего материализация никакого открытия невозможна!

Но это же означает, что мы опять приходим к качеству и количеству труда как мере гениальности — я категорически против такого тезиса — восклицает в сердцах наша гения! Это же разные вопросы. Не надо смешивать божий дар с яичницей! Труд (такой убогий и тривиальный) с гениальным прозрением (данным свыше, от Бога)! «Если прививать апельсинку к осинке, то она не превратится в яблоню, думать наоборот — это же чистая лысенковщина». А в конце этот Архи-мёд просто зарвался, он утверждал, что уже в середине 21-го века можно будет планировать великие открытия! Будет придумана специальная методика. Не перешла ли его гениальность уже в свою, близлежащую, противоположность?

А может гении от искусства совсем другие гении — искусственные? Коль скоро так сильно отличаются от гениев ученых и мыслителей? И как сравнить гениев родственников, скажем, с одной генетической фамилией? Например, почему не может С.П.Капица разделить лавры своего отца П.Л.Капицы? Только потому, что первый сделал заметно меньше второго? Ну и что? Достаточно ли это, чтобы сказать, что он менее талантлив? Но ведь он сделал много важного в другой сфере деятельности. Все перепуталось с этой гениальностью — подумала, далеко за полночь засыпая, наша гения ...

Ну, и какая мораль у этой басни, спросит терпеливый читатель?

Как бы вы ни были гениальны по природе, без применения современных медико-биологических средств диагностики — которые не у каждого встречного в кармане — о вашей гениальности можно узнать только по делам вашим, реже — по словам вашим и то, когда их можно приравнять к делам вашим, и очень-очень редко — по вашему внешнему виду, если последний обладает магической способностью запрограммировать нас на ожидание ваших великих дел. И еще, очень немаловажно наше собственное состояние — толпа ли мы безграмотных и успешно зомбированных зевак или настоящие профессионалы!